

ЗЕМЛЯНЫХ КРАСОК

Вет. Москва. 1996 - 24 мая '95

Елизавета АЛЬЯНОВА

Его называют гениальным. Гениальным во всем, за что бы он ни брался. Это — человек, которому дано знать не только законы Искусства, но и владеть множеством его тайн, не доступных простым смертным. Открытых — для избранных.

Я обошла несколько домов близких этому человеку людей, чтобы увидеть сделанные его рукой живописные работы — пейзажи, портреты, натюрморты. И испытала настоящее потрясение. Это была встреча с произведениями истинного Искусства. Их невозможно описать, прокомментировать, как невозможно рассказать о волшебстве хорошей музыки, о красоте стихотворной поэмы, о волнующих чарах песни.

Может быть, то малое, что вы сейчас видите на этих репродукциях, в какой-то степени даст представление о юном художнике Володе Ворошилове, которого теперь обожают миллионы... нет, не любителей живописи — телезрителей. Виват, Король игры «Что? Где? Когда?». Владимир Яковлевич Ворошилов! Виват! Виват Король! Популярное, блистательное интеллектуальное телешоу так, казалось бы, несовместимо с тончайшим, трогательным миром, запечатленным на холсте, картоне и бумаге. До боли жаль, что Ворошилов — давно

уж не художник. И невероятно радостно, что Ворошилов давно и по сей день — один из самых интереснейших Художников.

История, которую рассказал Владимир Яковлевич после того, как я под впечатлением его живописи приехала к нему в Переделкино, и которую мы с его позволения сегодня публикуем, — не что иное, как то сокровенное, личное, о котором до поры до времени никому не рассказывают. Но приходит день и час, когда это, казалось бы, глубоко и надежно запрятанное, неведь почему начинает проситься наружу. И уже никакая сила не способна противиться столь неожиданному и необъяснимому натиску.

В тот день и час мы сидели с Владимиром Яковлевичем в гостиной его дома. Я восхищалась «изобретенным» им «не разрушающим пространством» забором. Он обстоятельно рассказывал о секретах его изготовления, о пространственном видении и законах (чисто режиссерских) его моделирования. Тут я и задала нескромный вопрос: почему художник-режиссер не рисует? Ворошилов ответил, что рисует всегда, постоянно, только и делает, что рисует, но глазами. Так и сказал: «Глазом». А кисти, карандаши, угли, мелки и фломастеры с этой целью уже многие годы не использует. Как я понимаю, именно в этот момент наступил тот самый час, что приблизил далекое, прошлое, которое тут же вклинилось в настоящее. А заодно ответило на все мои некорректные вопросы. И еще раз доказало, что искусство — в самых разных своих проявлениях — живет по одним неделимым и непреломляемым законам. Единственное «беззаконие» в его гармоничной, божественной сфере — это человек. Но и оно узаконено.

Секрет

Рассказ Владимира Яковлевича ВОРОШИЛОВА:

— Посчитаем, сколько мне довелось учиться на художника... Сначала была школа для одаренных детей при Институте имени Сурикова, которая находилась в то время, в 1943 году, в переулке рядом с Мещанской улицей. Помню, мы в шутку называли ее школой детей одаренных родителей... Потом — Школа-студия МХАТ, где я учился на театрального художника. Потрясающе интересно! Но была тоска по настоящей живописи, и я через некоторое время перешел в Академию художеств в Тарту. Потом мы все переехали в Таллин, так что я закончил Таллинский художественный институт по специальности живописец-портретист. Между прочим с отличием. Итого на все про все ушло тринадцать лет.

По распределению был направлен в качестве художника-постановщика Первого драматического театра группы Советских войск в Германию. Работали в Берлине, в Потсдаме... Мне было двадцать четыре года.

Именно тогда судьба свела меня с удивительным человеком, с редким, гениальным художником — с Василием Радченко. Семидесятилетним. Определенным на должность маляра нашего театра — на самую низкую художественную должность. Мы с ним крепко сдружились. Это был интереснейший, наидобрейший, умнейший и чувствительный человек. Об одном я довольно долгое время не имел представления — о том, каким он являлся потрясающим художником.

Его судьба, как сказка. С интригующим началом, но далеко не во всякий вечер наших долгих бесед со счастливым концом.

Представьте себе, мой друг Василий учился живописи у Константина Коровина! И был его лучшим, любимым учеником. Но пришло время, когда умирающий отец попросил его вернуться домой, в Керчь. И вот Василий и его брат Михаил предстали у постели своего больного родителя. То, что завещал им отец перед смертью, меня, помнится, сначала позабавило, а потом, когда я узнал о верности Василия этому завещанию, до глубины души поразило. «Ты, Василий, — сказал отец, — ничего в течение своей жизни не читай, ни одной книжки. А поезжай-ка, сынок, по белому свету и повайдай все страны да смотри, чтобы не осталось ни одного места, где бы ты не побывал. А ты, Михаил, сиди дома и постарайся прочитать все книжки, которые написали люди. Когда, в старости, вы встретитесь, вам будет, о чем поговорить».

И Василий поехал. Кювейт, остров Крит, Кипр, Соединенные Штаты Америки, Индия, Австралия... Он был везде. В Турции нужда заставляла его класть русские печи, на Гавайях — плотничать, на Аляске — бондарить, в Сингапуре — заниматься кузнечным делом. Он в совершенстве владел множеством разных ремесел и искусств. Был даже придворным живописцем арабского шейха... Но нигде, никогда, ни при каких обстоятельствах этот человек не расставался со своим любимым занятием — рисованием. Оно являлось для него воздухом, хлебом, водой... Он таскал с собой по миру обшарпанный, замшелый чемодан с черепами. Нет, Василий не был сумасшедшим! Он был настоящим художником, который сам открывал законы живописи. Черепа были ни чем иным, как необходимым для рабо-

за мастерскую. Однажды утром, еще не проснувшись, он почувствовал аппетитный запах хорошего кофе. Услышал звук накрамеленных яюбок и чуть было не свалился от удивления с кровати. Консьержка вместо того, чтобы по своему обыкновению бранить его на чем свет стоит и выгонять на все четыре стороны, стояла с серебряным подносом в руках, на котором, как на прекраснейшем из натюрмортов — хорошенькая чашка с дымящимся кофе, пара свежайших булочек и стопка утренних газет. Василий не на шутку испугался — откуда у него деньги, чтобы расплатиться за всю эту небесную манну? Консьержка развернула газеты — на первых страницах красовались фотографические портреты нашего героя, тут же крупным планом были даны его рисунки. Так в один день, точнее в одну ночь, Василий Радченко стал знаменитостью номер один. Естественно, он ничего не помнил, потому что еще с утра накануне принялся за горячительные напитки. Ему все объяснили. Это было время, когда французская Академия художеств и журналисты, пишущие об искусстве, вели на страницах парижских изданий страстную полемику о будущем французского искусства, о том, в каком направлении ему суждено развиваться дальше. Наконец стороны решили объединиться и побывать на Монмартре, в мастерских художников, дабы воочию увидеть, что там творится. Там, на Монмартре, и художники, и их окружение, говорили «комиссии» одни и те же слова, что есть, мол, здесь один художник, Василий, «Базиль», так вот он,

что есть мочи зарабатывать деньги. Тогда он открыл секрет земляных красок, которыми пользовались художники эпохи Возрождения. И начал копировать работы старых мастеров. Разбогател. А потом американцы сделали реестр отпечатков пальцев известных художников эпохи Возрождения, Василия посадили в тюрьму и ничего нельзя было сделать. Отсидел. Вышел. Устроился главным художником

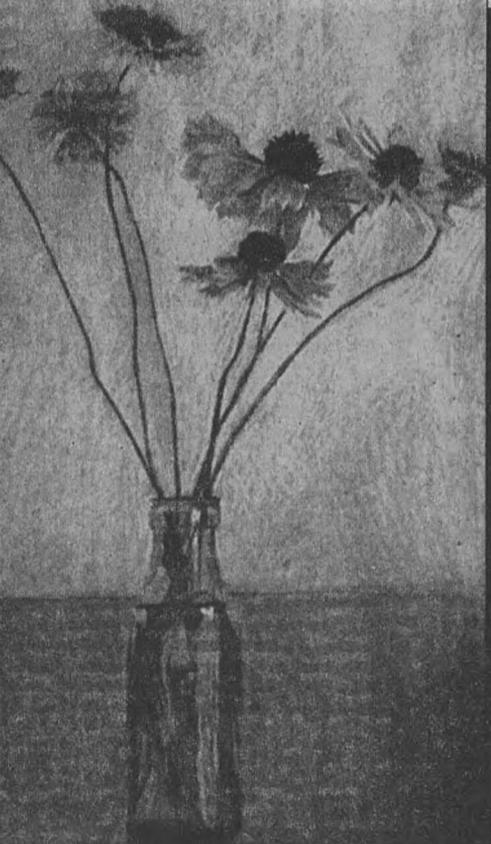
на парижскую киностудию. Когда в Париж вошли немцы, киностудия почему-то сгорела. Принялись искать виноватого. А так как немцы считали Василия французским шпионом, а французы начали поговаривать, что он русский шпион, все показали на него, бедолагу. Его отправили в концлагерь.

В концлагере он был смертником — без страховки, без ремня монтировал на огромной высоте заводские конструкции. Остался жив. Потом закончилась война, счастливый Василий пошел пешком навстречу своим, русским. Прошел через Францию, через Германию, пришел в Берлин. А русские солдаты взяли да и посадили русского художника в тюрьму. За то, что он якобы был французским шпионом. Отсидел. Вышел. Хотел, было, добраться до Керчи, чтобы встретиться с братом, но в Россию его не пустили. Так и остался Василий Радченко в Потсдаме, куда в один прекрасный день приехал наш театр.

Я был молодым. Я был художником. У меня в подчинении находился один человек. И я считал себя очень талантливым. Но когда Василий извлек откуда-то свои работы и разложил их на лестнице, мне стало плохо. Я понял, что никогда в жизни уже не возьмусь рисовать. Все тринадцать лет я учился в реалистической, натуралистической, социалистической школе. Эта школа была в мышцах моей руки. Моя рука не могла быть рукой Василия. А глаз вдруг увидел нечто другое, настоящее, свободное, не зажатое ни в какие рамки. Увидел и с той минуты уже не мог смотреть по-другому. Я не знал, что мне делать. Я бросил писать. И хотя продолжал работать художником, чувствовал, что внутри у меня что-то разваливается. То и дело умолял Василия, умолял в течение двух лет нашей дружбы, открыть мне секрет земляных красок. Мне казалось, что они способны сделать мою руку другой. Это при новых-то глазах! Но он, подаривший мне множество других ценнейших секретов, ни за что не желал расставаться с этим. «Ты подвергнешь себя опасности!» — не устал повторять он. Со временем я понял, что мой друг был не только гениальным художником, но и гениальным человеком. Я на всю жизнь запомнил многие его уроки. «Видишь точку, — говорил он, — поставь точку. Видишь линию — проведи эту линию. Если ничего не видишь, то не порть бумагу и холст.» Такова одна из аксиом творчества.

...Мой друг страдал родовой астмой, которая ничем не лечилась — только керченскими оливками. Я уехал в Россию. Прощаясь, обещал привезти или прислать старику эти самые целебные оливки. Но молодость вихрем вскружила мне голову, легкомысленному раздолбату, окруженному прелестными девушками. Я так и не привез старику оливки. И не прислал...

...Я не пишу маслом, не пишу акварелью, я не рисую ни пастелью, ни карандашом. Но мой глаз все время рисует, на что бы я ни смотрел. Я выбросил все свои картины в мусорный контейнер. И, кажется, не жалею. Василий Радченко научил меня рисовать постоянно. И постоянно помнить наши потсдамские два года. То и дело открывать в них что-то новое. Иногда философствовать. Он был великим художником...

как нам кажется, и есть пример того, как люди будут рисовать в будущем. «Базиль» нашли в кабаке в невменяемом состоянии, разбудили, дали в руки уголек и заставили рисовать. Рисовал он одним штрихом, не отводя угля от бумаги. Порисовал-порисовал и опять заснул. Его оставили в покое, а рисунки опубликовали. (Когда мы познакомились, Василий спал на тех газах — он жил на лестнице, не имел ни стола, ни кровати. Наш народец любил над ним поиздеваться. Отбиралось все подчистую. Когда он получал в театре свое определенное количество марок, то должен был немедленно наесться на полмесяца вперед и напиться на полмесяца вперед, чтобы не держать деньги в кармане — карманы у него — и дело выворачивали.)

Итак, недели через две апогея своей славы, Василий проснулся неожиданно для себя рядом с толстой девицей. Будучи маленьким, щупленьким человечком, знаменитый художник удивился. Хотел было улизнуть, но в дверях появились родители девушки. И Василия женили. Жена требовала денег. Василий бросил рисование и принялся

ты портретиста пособием. Портретиста, который вывел формулу зависимости психики человека от строения его черепа.

В результате долгих странствий мой друг оказался в Париже, в мастерской, в которой, возможно, жил Модерьяни. Тут-то ему там, в Париже, пришлось. Наступило время, когда нечем было заплатить

Е.А.: История, похожая на притчу... Горькая правда о русском художнике, затерявшемся в чужездальных мирах... И правда о другом художнике, волею судьбы получившем возможность раскрывать таланты в миллионах своих соотечественников. Может быть благодаря той не случайной встрече и тому не случайному общению?..